

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ПОЛОМОЙКА

(Памятник уборщице)

Ельцинско-Бородинская реконструкция Кремля — дело мутное и дело прошлое. Не знаю уж, зачем к этому были привлечены итальянские мастера, но когда на них пролился золотой дождь, брызги его долетели даже до нас. Сами представьте, какие крутились деньжищи, если руками реставраторов-краснодеревцев вешались межкомнатные двери и циклевался мемориальный паркет. Для этого нашей фирмой даже были приобретены две ленточные шлифовальные машинки Elu. Мы их называли «тракторами». Большие, тяжёлые, двуручные, рассчитанные скорее на стройку, с длиннющими толстенными кабелями. Иногда после работы ребята подключали их к двум соседним розеткам и запускали от стены наперегонки. Те взрывались и неслись по кремлёвским покоям, пока провода не натягивались и вилки не выдёргивались из розеток.

Но в тот момент, о котором пойдёт речь, мы сидели в мастерской в Милютинском переулке и были заняты относительно благородным делом, а именно отделкой элементов декора под так называемый французский лак. То есть облагораживанием всяких дворцовых лючков, вентиляционных решёток, дверных наличников, плинтусов и карнизов. Чтобы было понятно, как выглядит «французский лак», представьте себе холодильник. Грубо говоря, панель или профиль покрываются в несколько слоёв белой эмалью, потом высохшая эмаль выравнивается шкуркой и натирается зубным порошком до благородного шелковистого блеска. Всё, конечно, несколько сложнее, но общее представление о процессе вы теперь имеете. Работы было валом, платили за квадратные дециметры, и, надо сказать, очень недурно. В отдельные месяцы у отдельных моих товарищей получалось до штуки «зеленью», а то и поболее. Меня, что греха таить, в бригаду брать поначалу не хотели, мол, самим мало, но сроки поджимали, а работы было невпроворот. Впоследствии, как мне кажется, я оправдал оказанное мне доверие, предложив использовать для замера площади плинтуса мокрую хлопчатобумажную нить. Когда её выкладывали поперёк, по контуру профиля, она прилипала к поверхности и идеально следовала всем изгибам. А когда потом её прикладывали к линейке, она слегка растягивалась и давала ещё небольшую прибавку.

Опять-таки много бы я не отъел, поскольку учился в университете на архитектурном, а значит, на дневном, и работать мог только вечерами или на выходных. Попал я в эту мастерскую, можно сказать, тоже случайно. Мне надо было отремонтировать гитару, и я попросил об этом своего знакомого по семьдесят пятому училищу. Тот согласился, инструмент забрал, но время шло, а дело не двигалось. Тогда я ему сказал при встрече:

— Дружище! А есть ли у вас в мастерской свободный верстак? В конце концов, я всё понимаю. У тебя тоже семья, дети и времени в обрез...

Верстак нашёлся, и пока я приводил в порядок свою «Резонату», мне сперва подкинули одну халтурку, потом предложили поучаствовать в другой, и так постепенно, постепенно я влился в коллектив — и завертелось. Сами знаете, как это бывает. Дома молодая жена, маленький ребёнок, днём в институте, вечером на работе, а по ночам конспекты, эскизы и чертежи. Словом, спал исключительно на лекциях. Ну так вот, выхожу я, потягиваясь, после третьей пары, пятой скульптура, а четвёртую пару отменили. То есть обеденный перерыв, два с лишним часа чистого времени, и куда девать себя, непонятно. Но гляжу, никто что-то кормиться никуда не торопится. Поэтому поднимаюсь вместе со всеми в аудиторию, и тут вдруг народ зашуршал. Проекты какие-то развернули, расстелили ватманы, достали модельки из эглина. Я сразу к нашим девчонкам. Девчонки-то, они про учёбу, как правило, больше знают. И подхожу прямо к Аньке, чтоб уж наверняка. Анька, она на курсе вообще самая умная.

— Аньк, — говорю, — а что это... у нас все тут, это?..

И, рассеянно крутя пальцем, указываю на шуршащих кругом товарищей. Анна, изящная, как шпилька, с тихим стуком отложив карандаш, резко подняла голову и строго взглянула на меня в упор.

— А это у нас курсовая работа, — издевательски начала она. — Сдают её. Сегодня последний день.

К концу этой реплики тон её всё-таки смягчился, и даже послышалось некое сочувствие.

— Круглая скульптура, вписанная в городской ансамбль, — напомнила она, — макет и клаузура от руки.

«Хана, — подумал я. — Я забыл! Я всё забыл. Завертелся, заработался и всё забыл! Боже мой, ну надо же так! У меня же одни пятёрки по скульптуре — и такой конфуз. Господи, обидно-то как и как глупо вот так облажаться под самый конец. Как же это так? Что же теперь делать-то?»

— Оценка в диплом! — усугубила Анна, прервав мои жалостливые мысли и выведя меня из оцепенения.

«В диплом, в диплом, надо что-то делать», — попытался я переключиться и сосредоточиться. «Так, что мне нужно, что ж мне нужно... что же нужно мне?.. Клаузура. Ну, это от руки, это карандашом, это быстро. Два часа, я успею. Карандаши есть. Ватман, ватман, нужен ватман. Нужен ватман, где же взять?..» Я обвёл аудиторию взглядом в поисках запасливых товарищей. А вот, кстати, и лишний ватман. Прямо на соседней парте у Анькиной подруженции.

— Юленька, золотко, — начал я издалека.

Юленька, не поднимая головы, недобро глянула на меня исподлобья. Видимо, уже понимала, что сейчас её о чём-то будут просить.

— Солнышко, — нежно продолжил я, улыбаясь самой светлой улыбкой, на которую только был способен, и поинтересовался как бы между прочим: — А у тебя нет случайно листочка ватмана?

Поинтересовался так, как будто речь шла о каком-то ничего не значащем пустяке. Вопрос был идиотский и даже мог бы сойти за издёвку, поскольку свёрнутый в трубочку «листочек ватмана» лежал на столе аккуратно между нами. Но я изо всех сил продолжал благостно улыбаться, источая елейный оптимизм и светлую веру в людей.

— Я на неделе принесу, — видя её сомнения, быстро добавил я, тем самым демонстрируя ещё и веру в завтрашний день. Подобной манере общения я научился у Марины, когда работал в доме пионеров. Марина была штатным психологом. Она всегда лучезарно улыбалась, и все вокруг у неё были «рыбки», «птички», «зайки», «золотки» вне зависимости от возраста, пола и общественного положения. И главное, эта схема у неё работала! Схема работала даже с Асей Исааковной! А Ася Исааковна была, между прочим, заведующей культмассовым отделом и председателем парторганизации. Да что тут говорить! Её побаивался даже наш отдел туризма.

— Но у меня нет чистого ватмана, — неожиданно сказала Юлька.

Что такое? Чары не подействовали? Тонкая психологическая схема дала сбой? Эх, Маринка, Маринка!

— А этот? — кивнув одними глазами, спросил я уже не столь радостно и уверенно.

— А-а-а, этот?! — задумчиво протянула она, — а на этом неудачный черновик и всякие почиркушки.

Тут и я тоже на секунду задумался.

— В карандаше?

— Ну да.

Я опять задумался.

— С одной стороны?

— С одной.

— Дай! — пришло неожиданно решение. — Я чистый принесу.

— Да ладно, не надо, — немного помедлив, великодушно сказала Юлька и, снисходительно улыбнувшись, подвинула ко мне свёрнутый в трубочку лист.

— Юлька, лапуленька, спасибо тебе! — с благодарностью воскликнул я, сгребая рулон в охапку.

«Так, отлично, ватман есть, с одной стороны почиркушки — это ладно, но с другой стороны... а другая-то сторона чистая! — мысленно ликовал я. — Ватман есть, что-нибудь да нарисую. Ещё сама скульптура осталась, надо сделать модель, нужен

эглин, эглин и подставка. Подставка тоже нужна». Я встал и обвёл аудиторию взглядом. Вокруг по стенам были открытые полки, на которых стояли, валялись и пылились чьи-то законченные и незаконченные работы, макеты и просто куски эглина. «Ага, ну что ж, вот уже что-то, эглин уже есть, а есть эглин, где-нибудь найдётся и подставочка», — думал я, продолжая осматривать захламлённые стеллажи. И тут моё внимание привлекла стоящая в задних рядах в глубине у самой стены женская обнажёнка. Не знаю, что меня в ней заинтересовало, но как кольнуло: «Вот оно!» Сантиметров двадцати пяти — тридцати высотой и нормальных пропорций, что немаловажно. Помнится, даже когда мы рисовали гипсовую копию статуи Афродиты Книдской, все стремились её приукрасить по своему разумению. Девчонки рисовали ей чуть длиннее ноги, а ребята — чуть полнее грудь. Эта же модель обладала самой обычной и далеко не идеальной женской фигурой. Сразу было понятно, что кто-то лепил как есть. Возможно, даже с натуры. Она уверенно и плотно стояла в позе знака качества, широко расставив ноги и раскинув в стороны руки. Когда я её извлекал на свет Божий и нёс к себе на стол, некоторые мои сотоварищи это заметили и даже поглядели на меня с усмешкой и укоризной. Мол, как же так? Мол, ай-яй-яй! Да и ладно, мне-то что? Мне надо сдать. Во что бы то ни стало надо хотя бы попытаться это сделать. А вот потом, тогда уж либо «ай-яй-яй», либо победителей не судят. К тому же фигура стояла у самой стенки, заставленная другими работами, а значит, уже давнишняя и, скорее всего, сдана и оценка за неё уже получена. «Так кому я делаю плохо, в конце-то концов? Да никому, а мне надо». С этими мыслями я развернул в углу у окна на столе Юлькин ватман и прижал его по углам пеналом с карандашами, учебниками и найденной обнажёнкой. На ватмане был набросок некоего скверика с клумбой, усадьбой в неоклассицизме на заднем плане и почиркушками наверху. «Тоже, кстати, вариант», — подумал я. «Немного подправить, почиркушки выдать за облака, и, может, даже сойдёт. Рука, правда, у Юльки, что называется, женская, аккуратная, штрих мелкий, не то что у меня — фырк-ширк. Ну да ладно, потом разберёмся. Сначала надо что-то сделать с моделью. Я же не собираюсь сдавать проект памятника знаку качества. Хотя... — посетила озорная мыслишка, — можно было бы тупо заключить её в пятиугольник и поставить условно где-нибудь на Тверской как памятник советской проституции. А что? Очень даже, и в ногу со временем. Вскрыть, так сказать, монументальным самобичеванием язвы прогнившего социалистического общества. Ну, или что-нибудь в этом духе. Хотя могут и не понять, не оценить. О, неблагодарное Отечество! О, эпоха ханжества и лицемерия! Впрочем, хватит, довольно об этом. Тогда что? Тогда надо как-то сойти с этого скользкого пути и дистанцироваться от этого спорного образа. И сделать это как-то категорически так, чтобы даже мысли такой ни у кого не возникло. Перво-наперво надо её одеть». Я свернул ватман, отложил его пока в сторону, размял в пальцах немного эглина и принялся лепить бабе платье. Сначала целомудренный, чуть ниже колена, слегка прикрывающий плотные икры подол. Нежный, лёгкий, колышимый и льнущий. Потом выше: подчёркнуто широкие бёдра, пояс, лиф, короткий рукав. Впрочем, нет, пусть лучше будут открытые плечи. У неё красивые, слегка полноватые руки. Потом, дабы дальше не заморачиваться, прилепил ей спереди фартук, слегка оконтурив и оттенив грудь, а на голову, дабы не мудрить с причёской, «повязал» косынку. Оставались

торчащие в разные стороны руки. С руками тоже надо было что-то делать. В этот момент в моей голове, как говорят, случился какой-то ступор. Голова вдруг устала и категорически не желала дальше думать. «Ну что ж, — сказал я себе, — тогда пойдём другим путём, пойдём по пути наименьшего сопротивления». После чего, не мудрствуя лукаво, согнул пластилиновой фигурке руку в локте и уткнул её в бок запястьем. Получилось этакое танцевальное па. Широко расставленные ноги, одна рука в сторону вверх, другая рука на поясе. «Селянка на гулянке». Или нет, нет. «Праздник на селе». Надо было как-то назвать своё творение, как-то обосновать его существование и как-то привязать к нарисованной Юлькой абстрактной усадьбе. Времени уже было в обрез. Пока я «ваял», перерыв закончился, пришёл наш преподаватель, и народ уже начал потихоньку сдаваться. А в моей работе всё ещё чего-то не хватало. Чувствовалась некая наигранность и незавершённость образа. «Плохо раскрыта тема труда!» — вспомнился мне старый анекдот. Для завершения композиции требовался ещё какой-то предмет. Надо было что-то дать ей в руки. «Веретено?» Нет, напрашивался некий длинномер. «Весло?» Но оно было вторично и неуместно. «Лом? Лопата?..» Чушь! Всё не то... «Метла? Швабра? О! Швабра!» — подумал я. «Ну, да, да, а почему бы и нет, в конце концов? По крайней мере, свежо и оригинально. Да-да, в руке швабра, а в ногах... ведро!»

Ведро и швабру я вылепил быстро. Собственно, от швабры была только ручка. Один её конец уходил в ведро, а на другой гордо опиралась моя прекрасная полумойка. Придирчиво осмотрев результат, в качестве последнего штриха я добавил небрежно свешивающийся через край ведра угол половой тряпки. «Девушка с ведром», — подумал я и даже на мгновение невольно залюбовался ею. Гордая осанка, прямая спина. Во всей её позе сквозила какая-то непринуждённость и независимость человека, делающего своё дело и знающего себе цену. «И увидел Бог, что это хорошо! — вспомнилось мне и тут же подумалось: — Да, всё-таки Господь был мужчиной!»

Впрочем, что это я? Хватит расслабляться. Нашёл время заниматься самолюбованием. А времени-то нет, а время-то уходит. Ещё ж клаузура, будь она неладна. Рисовать уже и вправду было некогда. Очередь из моих товарищей, сдающих свои работы, неумолимо таяла. «Так, что тут у нас есть? — в очередной раз взгляделся я в Юлькины почиркушки. — Ну, в общем-то, работа нормальная, если не сказать отличная. набросок, конечно, но рука хорошая, твёрдая и на клаузуру всяко потянет. Собственно, а что? А чем ещё она должна быть, как не наброском от руки? Памятника только моего не хватает. Надо его тут куда-то пристроить. Только вот куда? Да что тут думать? Вот сюда! Прямо перед колоннадой, прямо посередь клумбы». Отбросив последние сомнения, я схватил ластик, карандаш и принялся лихорадочно подтирать и подрисовывать. В одной руке ластик, в другой карандаш. На какую-то особую художественность или попытки сымитировать Юлькину манеру рисовать времени уже не было. Ведь мало было изобразить в скверике на клумбе мою «Женщину с ведром», надо было ещё срочно придумать, кто это, что это и где это, и превратить Юлькино здание из абстрактного в конкретное. По крайней мере, таково было задание. Прошедшим летом я на сенокосе здорово ожог себе ноги борщевиком, и меня тогда отвезли в Склифосовского. Прямо с поезда и

отвезли. Времени было часов семь-восемь утра, конец ночной смены, и девчонки, вскрывавшие мне волдыри и обрабатывавшие раны, всё причитали: «Ну что бы вам на часок позже не прийти было? Ну неужели прямо так горело?» «Так вот, — подумал я, напрягая память. — Если над треугольником фронтона набросать небольшой купол с навершием, то вполне себе “Склиф” и получится. Ну, не совсем, конечно, но так, семь-восемь, выдать можно, глядишь, и сойдёт. Кто ж прямо наизусть-то всё вспомнит, а так похоже и похоже, чай, набросок, а не чертёж».

Сдавал работу я, разумеется, последним. Все уже разошлись, а я всё колдовал и колдовал над ватманом. Наконец терпение у моего преподавателя закончилось. Он подошёл, немного постоял, выждал паузу, потербил бороду и, тактично кхыкнув, спросил:

— Ну, что там у нас?

— Да вот, — ответил я, сметая ладонью с листа крошки от ластика.

— И что это? — ещё раз конкретизировал он свой вопрос.

— Памятник уборщице! — выпалил я.

Бровь педагога вопросительно взметнулась вверх.

— В сквере, перед Институтом Склифосовского.

Он подвинул к себе макет и долго молча его разглядывал. Потом перевёл глаза на меня, поглядел на меня. Потом снова посмотрел на макет.

— Ну что ж, неплохо, — наконец пожевал он губами, — очень даже неплохо. И композиционно неплохо, и с пропорциями вы здорово так угадали. Лепили с натуры? С живой модели?

— Да нет, по памяти, — соврал я.

— Тогда вообще отлично! Вы знаете, вы хорошо чувствуете форму. А кстати, чем, осмелюсь спросить, продиктован ваш... — он замялся, поглаживая бороду, — так сказать, выбор? Почему памятник уборщице?

«Ну что ж, думать поздно, жребий брошен», — мысленно сказал я себе. Решалась судьба проекта, и что бы я тут теперича ни нёс, главное было не запнуться.

— Понимаете, — начал я вдохновенно, с расстановкой, — врачам памятник есть и медсёстрам есть, даже собаке! — сделав драматическую паузу, я набрал в лёгкие побольше воздуха и погнал на выдохе, потрясая над головой указательным пальцем. — Даже собаке памятник поставили! А уборщице? Уборщице памятника нет. А кто, кто поддерживает в медицинских учреждениях всю эту чистоту и порядок? Кто, спрашивается, борется со всей этой антисанитарией? Врачи? Нет. Медсёстры? От случая к случаю. Собаки?! — скривил я губы в усмешке. — Нет, нет и ещё раз нет. Всё это тяжёлым антаблементом ложится вот на эти, — протянул я руку к макету, — не побоюсь этого сказать, хрупкие женские плечи. Нянечки и уборщицы — это же истинные кариатиды здания классической отечественной

медицины. А какие тяготы и лишения выпали на их долю во время войны! Вот я и подумал, что забывать о них — это как-то безнравственно и несправедливо.

Ну, насчёт медсестёр это я, возможно, загнул, поскольку точно не знал, есть такой памятник или нет. Но опять-таки, кто же это проверит? А звучало так гораздо стройнее и убедительнее.

— Да-да, — нетерпеливо поёжившись, согласился преподаватель, — дело доброе. Давайте свою зачётку.

Я протянул документ, он открыл свой журнал.

— О, да у вас тут одни пятёрки! — воскликнул он с явным облегчением. — Ну что же, закономерный результат! — подытожил он и вывел в строке «отл».

«Пять! Пять! Скульптура — пять! Да, да, да! В диплом!»

Я мысленно ликовал. Поскольку, в отличие от его оценки, моя реакция была предсказуема, он только благосклонно улыбнулся и, поторапливая меня кивком головы, нетерпеливо попрощался со мной.

Прошло недели полторы или две, точно уже и не вспомню. Работы было невпроворот. Эмаль «французского лака» белой пылью въелась в руки так, что я уже отчаялся их отмыть, а в университете надвигалась весенняя сессия. Мы столкнулись с ним где-то в коридорах совершенно случайно. Точнее, я куда-то бежал и вдруг почувствовал, как кто-то потянул меня за рукав. Я резко замер и, с прищуром вода вокруг мутным глазом, оторопело огляделся.

— Здравствуйте, — он лукаво улыбался, придерживая меня за локоток.

— Здравствуйте, — тяжело дыша, ответил я, наконец-то разглядев его, и тоже попытался улыбнуться.

— Да, вы знаете, — начал он, задумчиво беря меня под руку и неторопливо отводя в сторонку, — всё-таки «Памятник уборщице» — это у вас отлично, отлично получилось! Прекрасная работа! А идея-то какова! У вас определённо талант, молодой человек! Это надо же, «Памятник уборщице»! Определённо талант! — медленно и весомо, в такт неторопливым шагам повторял он. Я, всё ещё тяжело дыша, шёл рядом, рассеянно слушал его, улыбался и кивал в ответ, лихорадочно соображая: «К чему весь этот разговор?»

— В общем, это... — внезапно замолчав, пожевал он губами, — в общем... привет вам от соавтора!

С этими словами он наконец-то отпустил мой локоть, ещё раз улыбнулся, легонько хлопнул меня по плечу, кивнул головой на прощанье и ушёл.

Как мне потом рассказали, к нему иногда заходил его старый приятель, тоже скульптор. Чайку попить, обсудить чего, посоветоваться иногда. Ну, и от случая к случаю этот его знакомый пользовался, так сказать, нашей мастерской. То что-нибудь рисовал, а то что-нибудь лепил. Так вот. Оказалось, что у него на днях

пропала работа. Женская обнажёнка. Небольшая такая, сантиметров двадцать пять — тридцать высотой, слова доброго не стоит, а всё равно труда жалко. Так они вдвоём её неделю искали. И в аудитории, и в подсобке. Представляете, неделю! Все стеллажи перерыли, только-только по подставке и опознали. А ведь если разобраться, не так уж и велики были внесённые мною изменения. Я же ведь реставратор, человек по профессии деликатный, я же всегда подходил с уважением к руке предыдущего мастера.

Вот, собственно, и вся история. Может, конечно, некоторые спросят меня: «А к чему ты это, Дима, всё нам рассказал? Итог-то каков? В чём суть-то?»

Да как вам сказать? Сессию ту я сдал и пятёрку по скульптуре мне в итоге зачли, а университет потом я всё равно бросил и в дальнейшем посвятил себя реставрации изделий из дерева: мебели и иных предметов декоративно-прикладного искусства. Так что никто ничего не выиграл, как, впрочем, никто ничего и не проиграл. Только что вот сама история мне кажется занятной. Порою прямо аж зудит, как рассказать её хочется.